

УДК 801
DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Грамматические средства выражения категории инакости в художественном тексте

[1] Кислякова Е.Ю., [2] Маджаева С.И., [3] Вакорина И.В.
[1] Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, 400005, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27
[2] Астраханский государственный медицинский университет,
Россия, 414000, Астрахань, ул. Бакинская, 121
[3] Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: kisjen@rambler.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru; mirnaja1@yandex.ru

Аннотация. Содержание категории инакости определяет характер коммуникативного взаимодействия между интерактантами, а также их коммуникативные роли, стратегии, тактики. Более полное раскрытие содержания категории инакости, репрезентируемого средствами того или иного языка, необходимо для развития когнитивной лингвистики и коммуникологии. Проблема экспликации категории инакости средствами грамматики является малоизученной и до настоящего времени не подвергалась системному лингвистическому описанию. Целью исследования является выявление англо- и русскоязычных грамматических средств, объективирующих категорию инакости в художественной коммуникации. Результаты показали, что в анализируемых художественных текстах индивидуально-авторские грамматические средства выражения категории инакости задают вектор интерпретации взаимоотношений между героями и их внутренним миром в рамках категориальных признаков данной категории. Было установлено, что употребление авторских синтаксических конструкций и измененных автором грамматических форм способствует более глубокому проникновению в содержание художественных произведений. Полученные результаты дополняют развитие языковой репрезентации коммуникативного сознания и представления о функциональных особенностей грамматических форм, эксплицирующих категории коммуникации, в частности, категорию инакости.

Ключевые слова: коммуникативная категория, инакость, параметры инакости, синтаксис инакости, интерпретация текста

Для цитирования: Кислякова Е.Ю., Маджаева С.И., Вакорина И.В. 2023. Грамматические средства выражения категории инакости в художественном тексте. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(2): 320–329. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Grammatical Means of the Category of Alterity in English Fiction

[1] Evgenia Y. Kislyakova, [2] Sanya I. Madzhaeva, [3] Irina V. Vakorina
[1] Volgograd State Social Pedagogical University
27 Lenin Pr, Volgograd 400005, Russia,
[2] Astrakhan State Medical University
121 Bakinskaya St, Astrakhan 414000, Russia
[3] Smolensk State University
4 Przhevalskogo St, Smolensk 214000, Russia,
E-mail: kisjen@rambler.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru; mirnaja1@yandex.ru

Abstract. The content of the category of otherness determines the nature of the communicative interaction between interactors, as well as their communicative roles, strategies, tactics. A more complete disclosure of the content of the category of otherness, represented by the means of a particular language, is necessary

for the development of cognitive linguistics and communicology. The problem of explication of the category of otherness by means of grammar is poorly studied and has not been subjected to a systematic linguistic description until now. The aim of the study is to identify English- and Russian-language grammatical means objectifying the category of otherness in artistic communication. In the course of the study, it was revealed that the actualization of subordinate categorical features: unity – multiplicity, identity – similarity, similarity – difference, property – alienness, normativity – non–normativity, certainty – uncertainty, reality – hypotheticism is carried out using various linguistic means, including grammatical ones. Thanks to the definition of the category of otherness, implicit meanings and latent signs of the characters' communicative behavior (verbal and nonverbal) are revealed in the literary text. The results showed that in the analyzed literary texts, the author's individual grammatical means of expressing the category of otherness set the vector of interpretation of the relationship between the characters and their inner world within the categorical features of this category. It was found that the use of the author's syntactic constructions and grammatical forms modified by the author contributes to a deeper penetration into the content of artistic works. The results obtained complement the development of the linguistic representation of communicative consciousness and the idea of the functional features of grammatical forms that explicate the categories of communication, in particular, the category of otherness.

Key words: the category of communication, alterity, alterity parameters, the syntax of alterity, interpretation of the text

For citation: Kislyakova E.Y., Madzhaeva S.I., Vakorina I.V. 2023. Grammatical Means of the Category of Alterity in English Fiction. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(2): 320–329 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-320-329

Введение

В коммуникативном сознании носителей языка выделяются особые ментальные единицы – коммуникативные категории, разработкой содержательной стороны которых занимаются такие исследователи, как И.А. Стернин [Стернин, 2004], В.И. Шаховский [Шаховский, 2021], Т.В. Ларина [Ларина, 2009], Е.П. Захарова [Захарова, 1998], С.С. Тахтарова [Тахтарова, 2017] и др.

Ранее нами было установлено, что *инакость* как феномен объективной действительности является категорией [Кислякова, 2013], то есть базовой ментальной единицей, интегрирующей другие субординатные ментальные единицы; она выступает в качестве универсальной категории, характеризующей человеческое общество на каждом этапе его исторического развития, а также воплощает одну из острейших общечеловеческих проблем, имеющих специфические причины и формы своего существования [Kislyakova et al., 2023b].

Категория инакости является одной из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарного знания, поскольку она является основополагающей для процессов когниции и коммуникации. В гуманитарных науках *инакость* понимается как категория субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой», реализуемых на следующих уровнях:

1) отдельного индивида (проблема идентичности);
2) диалога Я и Ты (проблема взаимопонимания);
3) социума (проблема множественности и вариативности нормы);
4) взаимодействия культур (проблема этнокультурных различий).

Несмотря на общенаучный характер исследуемой категории, она также является предметом лингвистического описания. Рассмотрение *инакости* в собственно лингвистическом ракурсе позволяет установить ее репрезентированность в русском (более 200 единиц) и английском (более 150 единиц) языках, что подтверждает категориальный статус исследуемого феномена, а также свидетельствует, что данная категория является значимой для процесса мышления, устойчивой в ментальном аспекте, поскольку имеет «обширные языковые средства объективации» [Шаманова, 2008]. Одним из наиболее исследованных признаков

инакости в современной лингвистике является признак *свой – чужой* [Протасова, Алишариева, 2015; Алиева, 2017; Гордиенко, 2018; Мишин, 2018; Коренецкая, 2022], и его содержание определяет характер коммуникативного взаимодействия между интерактантами, а также их коммуникативные роли, стратегии, тактики.

Учитывая значимость категории инакости для коммуникации, необходимо отметить, что более полное раскрытие ее содержания, репрезентируемого средствами того или иного языка, необходимо для развития теории и практики коммуникации. Помимо лексических и лексико-фразеологических средств категоризации инакости в английском и русском языках, лингвистический интерес представляет проблема актуализации данной категории грамматическими средствами (морфологическими и синтаксическими), поскольку грамматические формы раскрывают наиболее глубинные и абстрактные значения, также определяющие коммуникативное сознание интерактантов.

Следует подчеркнуть, что данная проблема является малоизученной в современном языкознании, и до настоящего времени она еще не подвергалась системному лингвистическому описанию. В связи с этим мы обратились к изучению англо- и русскоязычных грамматических средств (морфологических и синтаксических), объективирующих категорию инакости, с целью описания языковой объективации сознания персонажей-интерактантов в их коммуникативном взаимодействии.

Объекты и методы исследования

В качестве материала исследования послужили англо- и русскоязычные художественные тексты современной литературы.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

– описательный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов – при выявлении и структурировании категориальных признаков коммуникативной категории инакости;

– метод концептуального анализа – при понятийном моделировании и дефиниционной интерпретации категории инакости и ее параметров, а также анализе концептуальных связей инакости с категориями *Я, Другой, чужой*;

– метод контекстуального анализа – при определении контекстов объективации коммуникативной категории инакости;

– дискурс-анализ – при интерпретации выявленных контекстов реализации коммуникативной категории инакости.

Результаты и их обсуждение

В науке о языке установлено, что если в языке используется специализированная глагольная форма или конструкция, имеющая строго фиксированное грамматическое значение, то правомерно говорить о наличии в таких языках определенной грамматической категории. В то же время не все явления объективной действительности подвержены языковой категоризации, тем не менее они иногда играют определяющую роль в достижении целей коммуникативного взаимодействия. Такие категории выявляются как обязательные коммуникативные константы, коммуникативные категории, как правило, не превращающиеся в более или менее формализованную грамматику [Кашкин, 2008]. Одной из таких категорий является категория *инакости*, поскольку она имеет параметричный характер и отражает универсальные смысловые отношения, выражение которых возможно средствами грамматики. В этом случае имеющиеся в языке грамматические средства становятся основой метафорического сдвига, что приводит к актуализации основных категориальных признаков инакости, о которых будет сказано ниже. Данное явление известно в лингвистике как грамматическая метафора [Осокина, 2022], и оно имеет особую художественную ценность, поскольку является стилистически намеренной и идентифицирует идиостиль

писателя. Кроме этого, она выполняет функцию создания экспрессивности текста, а также подчеркивает отношение автора к описываемым событиям и образам героев.

Бинарное распредмечивание инакости в различных концептуальных ракурсах (*Я – Другой, свой – чужой, один – другой, схожий – различный* и пр.) позволяют смоделировать параметры инакости: *единство – множественность, тождество – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность.* Данные параметры позволяют выявить общий категориальный признак «иной» в различных коммуникативных ситуациях, и также проанализировать языковые средства его выражения.

Нельзя не согласиться с М. Фуко, утверждавшем, что *инакость* наиболее ярко и последовательно представлена в художественном языке [Фуко, 1997]. Рассмотрим особенности грамматических средств объективации категории *инакости* на примере рассказа *Stone Trees* современного британского автора Джейн Гардам. Данное произведение опубликовано в сборнике рассказов *The Pangs of Love* [Gardam, 1984].

Следует отметить, что в рамках художественного текста анализируемые примеры являются индивидуально-авторскими стилистическими средствами выражения исследуемой категории, и понимание взаимоотношений между героями рассказа напрямую зависит от вектора интерпретации синтаксических и реже морфологических средств описания этих отношений в рамках категориальных признаков инакости.

В данном произведении одним из частотных стилистических средств является синтаксис повтора (15 употреблений). Главная героиня переживает утрату любимого человека, своего мужа, и сам текст рассказа передает поток ее сознания и ее переживаний. Наиболее часто употребляемая фраза *So now that you are dead* коннотатирует смысловой признак «переход в иное ментальное состояние главной героини», поскольку она постепенно пытается осознать смерть близкого человека. Поэтому, объективируя в данном случае параметр *реальность-гипотетичность,* категория *инакости* вербализуется в сослагательных конструкциях, в которых имплицитно передана невозможность осуществления акционального и вербального взаимодействия с умершим: *«They would not stretch to me if you were obvious and not just dead».*

Категория инакости также выявляется в данном тексте по параметру *нормативность – ненормативность* в следующем примере: *«They were not the Robertsons then but Tom and Anna. We never became the anythings, thank God».* Адгерентно обусловленное отклонение от грамматической нормы употребления определенного артикля в английском языке, который не может сочетаться с неопределенными местоимениями, а также форма множественного числа самого местоимения *anything (anythings)* свидетельствуют об эмоциональной позиции героини в отношении традиционных браков. Авторская грамматическая игра с языковой формой является средством протеста против принятых в обществе норм заключения брака, принятия общей фамилии (*the Robertsons*), поскольку все это на практике не является гарантом крепкой семьи, о чем свидетельствует контекст произведения.

Подруга главной героини – Анна – оказывается в прошлом любовницей ее мужа, при этом у Анны есть свой собственный супруг, а сама она кажется безупречной в моральном отношении: *«Anna who never did anything wrong», «Anna Robertson of evangelical persuasion…».* Главная героиня осознает это, когда замечает сходство сына Анны со своим мужем, а новая, до сих пор скрытая сторона Анны, раскрывается посредством синтаксической конструкции восклицания *«How Anna wept!»,* которая описывает ее поведение на похоронах. Графически данная конструкция оформлена как отдельный лаконичный абзац, в котором не рассказано о любви Анны, но она очевидна. В данном случае *инакость* определяется по признаку *единство-множественность,* поскольку сверхэмоциональное поведение обычно сдержанной Анны разоблачает ее другое «Я», показывает ее двуличность.

Старший сын Анны является доказательством ее прошлого романа с мужем подруги – главной героини рассказа. Ребенок по имени Питер больше не воспринимается как

второстепенный персонаж, начинает выделяться на общем фоне посредством употребления синтаксических конструкций сравнения, которые объективируют категорию *инакости* по параметру *сходство-различие*: *«The boy is a little like you and not at all like Tom … The boy is really – or am I going mad altogether – very like you».* Питер является копией покойного мужа главной героини и внешне, и в плане поведения. Главная героиня признает это в предложении с нарушенной местоименной когезией: *«And Peter takes my hand in yours … and looks at me with your known eyes».* Теперь у мальчика иной статус – в нем главная героиня обретает утраченное и завершает свое повествование: *«Now that you are».*

В другом англоязычном произведении современного британского автора Кэрис Дэйвис *Creed* затрагивается проблема преодоления *инакости* во взаимоотношении между главными героями – мужчиной (Майкл Крид) и женщиной (Руфь), проживающими в отдаленном районе Англии, откуда уже успели уехать все их прежние друзья и соседи. Несмотря на их одиночество, они долгое время остаются вдали друг от друга, лишь изредка наблюдая за жизнью друг друга на расстоянии нескольких миль. Руфь иногда представляет себе их возможную встречу, в описании которой используется несвойственное английскому языку двойное отрицание, посредством которого автор подчеркивает преодоление различий между героями в совместно проживаемом молчании, через их пространственную близость: *She'd pictured them both at his table, her brother's dominoes spread out between them in various arrangements, not speaking perhaps <…>but at least sitting together in a not-uncomfortable silence* [Davies, 2014].

Руфь на протяжении всего рассказа осознает неприятие Кридом мира вокруг, его враждебную позицию ко всем окружающим, что вызвано потерей его молодой жены спустя некоторое время после их свадьбы. Всю свою жизнь Крид проводит в отдалении от поселения, разводя овец и ведя свое хозяйство. *Инакость* актуализируется в данном произведении посредством сослагательных конструкций, которые объективируют данную категорию по признаку *реальность – гипотетичность: what he would do when he saw her – what he would say and how he would be and what he would look like too, close-up, after all this time.*

Посредством употребления таких конструкций главная героиня подчеркивает явно выраженную *инакость* Крида, его *непохожесть, отличие от других*. Но при этом она не перестает считать его *своим*, и когда ей необходима помощь, она идет к нему, готовая принять даже его саркастичный отказ: *She wished that the ice had been broken between them before now – that she could at least have become an ordinary neighbour to him. Come on, Michael, it's just us now. Sit with me. Everyone else has gone <…> Would he turn sarcastic and ask her if she'd had a visit from the Holy Spirit?*

В итоге Майкл Крид предстает перед нами чутким, отзывчивым человеком, готовым помочь Руфь в сложной ситуации. Его отстраненность и замкнутость вызваны его болью из-за потери любимого человека, что выражено в сослагательной конструкции сожаления: *He wished his wife could see her.*

В художественном произведении детективного жанра А. Марининой *Оборванные нити* также используются синтаксические средства, усиливающие выразительность текста, описывающие характер врача, его деятельность. Главный герой – судмедэксперт Сергей Саблин – человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный.

Для данного произведения характерна вопросно-ответная форма изложения. *«Кто не видит? Виталик Филимонов не видит? Да он талантливый эксперт; опытный, умница, руки золотые! Ты бы видела, что он секционным ножом творит!»* Использование вопросно-ответных форм позволяет автору сделать текст не только диалогичным, но и выразительным и экспрессивным, что придает ему разговорную тональность. Данные вопросы являются средством раскрытия героя как специалиста и человека, тем самым актуализируя многообразные стороны одной личности, сопоставление которых друг с другом позволяет обнаружить различные, даже противоположные черты человека. В этом случае *инакость*

рассматривается на уровне отдельного индивида как проблема идентичности, когда человек находится в постоянном поиске самоопределения.

Инакость объективирована в тексте при помощи вопросов: «*Почему? С какой стати? И главное – откуда это следует? Из мимолетного взгляда на фотографию, где он стоит в центре, среди своих подчиненных?»* Мать героя не советует Сергею становиться начальником. Так как он другой – он привык все делать САМ, герой не доверяет свою работу никому, он еще этому не научился, и ему нельзя быть руководителем. Это подтверждается монологом его матери, состоящим из вопросов: «*Почему ты не сказал Филимонову про онкологию? Почему ты не сказал об этом тому, кого оставил вместо себя? Так почему ты не сказал? Ты все выяснил у главного врача поликлиники. То есть ты знал то, чего не знали они и знать не могли. Так почему ты не сказал*? … *Ты волк-одиночка, который может отвечать только за самого себя и собственную работу*».

Сергей не поверил ни одному слову матери. В своем монологе он спорит с матерью: «*как это – ему противопоказано быть начальником? Что она понимает в его работе и в жизни его Бюро?»* С одной стороны, он считает, что ее высказывание – проявление эмоций, результат стресса и попытки хотя бы на что-то отвлечься. С другой стороны, он не хочет возвращаться на работу, потому что подсознательно чувствует, что он – плохой руководитель. Задавая вопросы и отвечая на них, герой находится в поиске определения своей идентичности, пытается ответить на вопрос, кто Я такой: «*Я умный. Я – царь и бог. Я – повелитель мира».*

Стимулируя мышление героя, вопросно-ответные формы позволяют Сергею по-другому взглянуть на самого себя. С одной стороны, он врач-патологоанатом, с другой – он человек. Как поступить ему? «*…несмотря на интерес к гистологии, ему все равно было скучно. Не было драйва, не было понимания, зачем все это нужно?»* В данной ситуации раскрывается категория инакости, два *Я* – врача-профессионала и обычного человека.

Как врача его характеризует частое употребление терминов, их повторы (*хроническая ишемическая болезнь, кардиомиопатия, рак, раковая интоксикация* и др.), отношение к поставленному диагнозу *(«Раком почему-то именовали любую опухоль или опухолевидное образование и ставили его непосредственной причиной смерти, чего, как твердо знал Сергей, быть не может. Никогда*»).

Категория *инакости* актуализирована в контексте, в котором автор описывает ситуацию со следователем. Следователь, по мнению Сергея, – человек, стоящий на страже закона, однако он предлагает ему этот самый закон нарушить. Двуличное поведение следователя свидетельствует о нарушение не только моральных ориентиров, но и правового мышления [Маринина, 2012a, с. 183]. Главный герой описывается в контексте через использование синтаксических конструкций сравнения, которые объективируют категорию *инакости* по параметру *сходство-различие. «Сегодня ты скроешь по своему усмотрению беременность, потому что сочтешь ее незначительным фактом и потому, что тебе жалко мужа потерпевшей, завтра ты уже скроешь факт значительный, например, врачебную ошибку, потому что тебе покажется, что кто-то не очень виноват и жалко его сажать, а послезавтра ты, извлекая из головы трупа топор, напишешь в свидетельстве о смерти «Бронхиальная астма» и не стесняясь возьмешь за это деньги. И станешь ты, Саблин, не судебно-медицинским экспертом»* [Маринина, 2012a, с. 184].

В контексте, описывающем смерть ребенка от вакцинации, Сергей противопоставлен коллегам, он один выступает против начальства (заведующим отделением экспертизы) [Маринина, 2012a, с. 265–268]. В данном случае *инакость* определяется по признаку *единство-множественность,* поскольку спокойное/уверенное поведение обычно эмоционального и резкого Сергея представляет его другое «Я», показывает его прямолинейность и храбрость – противостоять обществу. Главный героя стремится вложить свой смысл в отчет, он стремится донести до заведующего вербально свои знания, которые являются результатом познавательной и профессиональной деятельности героя романа [Маджаева, 2012, с. 30]. Кроме того, вышеназванный пример свидетельствует, что «содержание данной

категории варьируемо в коммуникативном процессе, что обусловливает экологичность/неэкологичность общения» [Kislyakova et al., 2023a, p. 152] и подтверждает мнение авторов, что «one of the significant conclusions for theory and practice of communication is the fact that alterity, brought out as a dominant category in any kind of human relations, turns into a factor decreasing the quality of life, leading to unsuccessfulness and dissatisfaction and resulting in non-ecological impacts on a person's health» [Kislyakova et al., 2023a, p. 159].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает универсальный и базовый характер категории инакости, что обусловливает ее значимость для процессов когниции и коммуникации. В ходе анализа вербальной экспликации индивидуально-авторских сознаний различных писателей, в частности, авторской рефлексии о проблеме Другого как признака категории инакости, проявляемого в различных ее параметрах, было установлено, что трансляция смыслов данной категории осуществляется не только лексико-семантическими, но и грамматическими средствами. К ним относятся конструкции сослагательного наклонения, сравнительные конструкции, нарушение местоименной когезии, синтаксические повторы, различные нарушения языковых норм слово- и формообразования и пр. В процессе использования этих грамматических средств актуализируются их абстрактные грамматические значения, которые раскрывают латентные функциональные признаки категории инакости – необходимость постоянного соотнесения и сопоставления одного и другого, реального и возможного, допустимого и недопустимого, привычного и нового, явного и кажущегося, своего и чужого.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что проанализированные синтаксические конструкции и другие грамматические средства способствуют раскрытию содержания художественных произведений, так как эксплицитное лексическое описание образов героев не раскрывает в полной мере все тонкости их инаковой природы, скрытых характеристик, и только авторский синтаксис позволяет актуализировать категорию инакости в ее параметрах и заставить персонажей стать иными в глазах читателя.

Таким образом, как показало наше исследование, несмотря на отсутствие грамматического статуса категория инакости может быть объективирована грамматическими средствами, что позволяет говорить о ее грамматической метафоризации.

В перспективе мы хотели бы рассмотреть этнокультурные особенности двух языков и более в аспекте интенционального семантического сдвига, вызываемого грамматической метафорой, в результате чего категория инакости актуализируется средствами грамматики. Представляет особый интерес вопрос о языковых ограничениях, которые могут нарушаться членами одного языкового сообщества, а для говорящих на другом языке нарушение этих ограничений представляется невозможным в силу особенностей грамматической структуры конкретного языка.

Список источников

Маринина А. 2012а. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 1: 384 с.
Маринина А. 2012б. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 2: 384 с.
Маринина А. 2012в. Оборванные нити: роман в трех томах. М., Эксмо. Т. 3: 416 с.
Davies C. 2014. Creed. In: The Redemption of Galen Pike. Salt Publishing.
Gardam J. 1984. Stone Trees. In: The Pangs of Love and Other Stories. London, Abacus.

Список литературы

Алиева Т.В. 2017. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3: 8–13. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-8-13

Гордиенко Е.В. 2018. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 18(816): 74–85.

Захарова Е.П. 1998. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения. В кн.: Вопросы стилистики, Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 27. Человек и текст. Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, Издательство Саратовского университета: 87–94.

Кашкин В.Б. 2008. Авторитетность и коммуникация. Серия: Аспекты языка и коммуникации. Выпуск 4. Воронеж, Воронежский государственный университет, Издательский дом Алейниковых, 216 с.

Кислякова Е.Ю. 2013. Способы грамматикализации лингвистической категории инакости. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 1: 56–59.

Коренецкая И.Н. 2022. Метафорические модели концептуальной диады «свой–чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка). *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 41(3): 569–577. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577

Ларина Т.В. 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., Рукописные памятники Древней Руси, 512 с.

Маджаева С.И. 2012. Медицинские терминоситемы: становление, развитие, функционирование. Автореф. дис. …. докт. филол. наук. Волгоград, 37 с.

Мишин А.В. 2018. Языковые средства выражения оппозиции «свой-чужой» в материалах журнала “der Spigel”. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, 28(5): 802–807.

Осокина Н.Ю. 2022. Грамматическая метафора как отражение этнокультурных особенностей англоговорящего и русскоговорящего сообществ. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 13: 163–168.

Протасова Е.Ю., Алишариева А.Н. 2015. Полемика вокруг языка: свой или чужой? В кн.: Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. Вып. 4(24): Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей. Материалы Всероссийского семинара с международным участием (г. Екатеринбург, 27 ноября 2015 г.). Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: 134–149.

Стернин И.А. 2004. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания. В кн.: Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сборник статей. Под ред. Н.В. Уфимцевой. Барнаул, Издательство Алтайского государственного университета: 36–63.

Тахтарова С.С. 2017. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 16(2): 189–196. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21

Фуко М. 1997. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И.К. Стаф. Под ред. В. Гайдамака. СПб., Университетская книга, 576 с. (Paul-Michel Foucault 1961. Folie et déraison. Histoire de la folie à l’âge classique. Paris, Librairie Plon, 672 p.)

Шаманова М.В. 2008. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10(34): 15−18.

Шаховский В.И. 2021. Экология коммуникативной дистрибуции слова. *Неофилология,* 7(27): 369−376. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376

Kislyakova E.Yu., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. 2023a. Communicative category of *alterity:* linguocultural and linguoecological properties. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 22(1): 151−161. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.12

Kislyakova E.Yu., Zvereva E.V., Mitrofanova I.I., Krivoshlykova L.V., Korovina S.G. 2023b. Alterity as a term and a communication category: linguocognitive and discursive approach. *XLinguae*, 16(1): 118−131. DOI: 10.18355/XL.2023.16.01.09

References

Alieva T.V. 2017. Brexit referendum: language means employedin actualisation of the opposition "we - they". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3: 8–13 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-8-13

Gordienko E.V. 2018. Expression of the category of evaluationin british newspaper headlines. Vestnik of Moscow State Linguistic University. *Humanitarian Sciences*, 18(816): 74–85 (in Russian).

Zakharova E.P. 1998. Kommunikativnaya kategoriya chuzhdosti i ee rol' v organizatsii rechevogo obshcheniya [The communicative category of alienation and its role in the organization of verbal communication]. In: Voprosy stilistiki [Questions of Stylistics], nteruniversity collection of scientific papers. Issue 27. Chelovek i tekst [Man and text]. Ed. O.B. Sirotinina. Saratov, Publ. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 87–94.

Kashkin V.B. 2008. Avtoritetnost' i kommunikatsiya [Authority and communication]. Series: Aspekty yazyka i kommunikatsii [Aspects of language and communication]. Issue 4. Voronezh, Publ. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatel'skiy dom Aleynikovykh, 216 p.

Kislyakova E.Yu. 2013. Grammatical means of expressing the linguistic category of otherness. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1: 56–59 (in Russian).

Korenetskaya I.N. 2022. Metaphorical Models of the Conceptual Opposition "Us –They" in Different Types of Discourse (By the Material of the English Language). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(3): 569–577(in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577

Larina T.V. 2009. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy [Politeness Category and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions]. M., Publ. Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 512 p.

Madzhaeva S.I. 2012. Meditsinskie terminositemy: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie [Medical term systems: formation, development, functioning]. Abstract dis. …. doc. philol. Sciences. Volgograd, 37 p.

Mishin A.V. 2018. Linguistic means of expressing the opposition "own-alien" in the "der spiegel" articles. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 28(5): 802–807 (in Russian).

Osokina N.Yu. 2022. Grammatical metaphor as a reflection of ethnocultural peculiarities of the english speaking and russian speaking communities. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 13: 163–168.

Protasova E.Yu., Alisharieva A.N. 2015. Polemics around the language: the own or the alien? In: Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. Issue 4 (24): Psikholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnykh sposobnostey [Psycholinguistics in education and aspects of the study of linguistic and creative abilities]. Materials of the All-Russian seminar with international participation (Yekaterinburg, November 27, 2015). Ed. T.A. Gridina. Ekaterinburg: 134–149.

Sternin I.A. 2004. O ponyatii kommunikativnogo soznaniya i nekotorykh osobennostyakh russkogo kommunikativnogo soznaniya [About the concept of communicative consciousness and some features of Russian communicative consciousness]. In: Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Linguistic Consciousness: Theoretical and Applied Aspects]. Digest of articles. Ed. N.V. Ufimtseva. Barnaul, Publ. Izdatel'stvovo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta: 36–63.

Takhtarova S.S. 2017. Communicative categories in the cognitive-discursive paradigm. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 16(2): 189–196 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.21

Fuko M. 1997. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [A History of Madness in the Classical Age]. Per. from fr. I.K. Staf. Ed. V. Gaydamak. SPb., Publ. Universitetskaya kniga, 576 p. (Paul-Michel Foucault 1961. Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris, Librairie Plon, 672 p.)

Shamanova M.V. 2008. Kommunikativnaya kategoriya i kommunikativnyy kontsept [Communicative category and communicative concept]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10(34): 15−18.

Shakhovskiy V.I. 2021. Ecology of communicative word distribution. *Neophilology*, 7 (27): 369−376. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376

Kislyakova E.Y., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. 2023a. Communicative category of *alterity:* linguocultural and linguoecological properties. *Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(1): 151−161 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.12

Kislyakova E.Y., Zvereva E.V., Mitrofanova I.I., Krivoshlykova L.V., Korovina S.G. 2023b. Alterity as a term and a communication category: linguocognitive and discursive approach. *XLinguae*, 16(1): 118−131. DOI: 10.18355/XL.2023.16.01.09

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.03.2022
Поступила после рецензирования 04.05.2023
Принята к публикации 10.06.2023

Received March 23, 2023
Revised May 04, 2023
Accepted June 10, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кислякова Евгения Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Маджаева Санья Ибрагимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Вакорина Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia Yu. Kislyakova, Doctor of Philology, Professor of the Department of English and Methods of its Teaching, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philology, Professor, head of the Department of Latin and foreign languages, Astrakhan state medical University, Astrakhan, Russia

Irina V. Vakorina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English, Smolensk State University, Smolensk, Russia